

А.Бренер & Р.Баембаев Тайная жизнь буго

HYLAEA.RU

Фрэнсису Пикабии и другим родственникам

А.Бренер & Р.Баембаев

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ БУТО

Тель-Авив, 1992

Иллюстрации:

FRANÇOIS D'ORLÉANS, Prince de Joinville

НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Мы долго удивлялись и поражались великой концентрированности и собранности будто. Поражались, пока сами не сделали будто. Теперь мы тоже предельно собраны и сконцентрированы. В этом — наша явная и всем видная жизнь, обращенная вовне, к публике и собеседникам. Однако наша внутренняя и сокровенная жизнь протекает не там. Она протекает в глубинах нашего остервенения. Эта жизнь и предлагается сейчас вниманию читателя.

Остервенение — так мы определяем истинно человеческое состояние, освобожденное от покровов табуированности. Остервенение — имя железной кукушки, вылетевшей из ходиков предуказанности и с отвратительным кукованием носящейся по комнате бытия. Остервенение — это единственная подлинная полнота жизни, не боящейся самой себя. Остервенение — это демонстрация нашего единства, нашей воли, нашей целеустремленности, нашей двужилности, нашей сосредоточенности, нашей организованности, нашей конкурентоспособности, нашего сотрудничества, нашей идейности, нашей виртуальности, нашего аскетизма, нашей ангажированности, нашего нонконформизма, нашей религиозности, нашего могущества, нашего великолепия, нашей актуальности, нашего бессмертия, нашей рудиментарности, нашей гетерогенности, нашей ответственности, нашей элегантности, нашего мастерства, нашего отчаяния, нашей светскости, наших ошибок, нашего мужеложества, нашей агрессивности, нашей раскованности, нашей сиюминутности, нашей дерзости, нашего одиночества, нашей любви, наших потуг, нашей зрелости, нашего усердия, наших бодрствований, нашего совершеннолетия, наших чествований, нашего коллаборационизма.

Александр Бренер,

Роман Басмбаев

18 марта 1992, Тель-Авив

Apprenti, 5. - Effet produit par l'absence sur les enfants.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ТЕЗИС

У нашего хорошего друга Игоря
Появилась баба — красивый кусочек,
С розовыми ямочками, с острым носом,
С пиздой, вероятно, безмерно волосатой.
Счастлив, наверное, ебать ее Игорь.
А еще однажды видели мы телку:
Волос кудрявый,
Тазик вихлявый,
Губы большие,
Ноги нагие,
Смотрит на мир в две стеклянные щелки.
Полнится мир счастливыми мужчинами,
Отпетыми дамочками, розовыми детками.
Никто не знает, зачем столько надо
Счастья на земле, горем умытой?
А мы все такие же — утлые, умные
Роман Баембаев, Александр Бренер.
Уорхол тоже имеет свою радость
Там, в пространстве, где он сейчас.
И Уильям Блейк.
У генерала Алленби есть Дизенгоф,
У поэта Тарасова есть Вайскопф,
У Раушенберга есть его матрешки,
У святого Франциска — все его кошки,
И у Пригова тоже есть мы,
Почему же мы-то без собственной тьмы?
Отвечайте нам, Рокфеллер и Ивлин Во,

Отвечайте, Озирис и Караваджо,
Отвечайте, Ромул и Рем и все
Остальные, ради бога!

АТИТЕЗИС

С Клеопатрой кто не спал,
Кто Марию не познал,
Не вкушал Мерлин Монро,
Не ебал Брижит Бардо?
На худой конец
Просто блядь кудлатую
Кто не тискает
В темной комнате —
Бренер?
Кто не пил вина,
Не курил гашиш,
Мясо сочное,
Даже косточки
Не отведывал —
Баембаев?
Безграничен мир,
Полон радости —
Люди всласть живут,
Вытворяют гадости:
Спят, ебут и жрут
С удовольствием,
Состоят у князей на довольствии —
Бренер и Баембаев?

СИНТЕЗИС

Блядство говеет и блядство цветет,
Блядство включается в уровень братства,
Блядство на подвиг нас с вами зовет —
Подвиг великого панибратства!
Люди живут в бесконечной пыли
Рынка, расизма, убогого сплина.
Трапеза манит, отцы и сыны,
Трапеза блядства на оргиях глины!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

ТЕЗИС

Мы сейчас живем в городе Тель-Авиве.
Встаем в одиннадцать после тяжелой ночи,
Во время которой пытаемся любить друг друга
За щеку. Чаще всего выходит очень дурно.
Но иногда нам это удается.
А, например, вчера мы
Целых полчаса старались вставить друг другу
В сраку
И угомонились только в девять.
Мы очень любим есть фалафель
На углу улиц Бен-Иуда и Буграшов,
Но мы совсем не любим Мишу Гробмана.
Он, как нам кажется, старый мудак.
Мы гуляем по улицам, устраиваем выходы,
Покупаем пиво и мороженое
И хотим съезжать в Германию, потому что
Там сытнее.

АНТИТЕЗИС

А на улицах красоток тьма тьмущая,
Виляют задницами, как веерами —
Вставить бы им, чтобы не размахивали.
А как пахнут-то — просто страсть берет,
Одни копчики чего стоят:
Будешь лизать их — не налижешься,
Смотреть — не насмотришься.

Постоишь возле магазина для женского белья —
Возбудишься.

Так и ляжешь натошак в кровать постылую,
Даже с кобылою длинногрудую,
Толстобедрую и вонючую.
Вот когда позавидуешь Мише Гробману
За жену его Иру мятую и трясучую
И за дочь его Злату вредную и ебучую.
А над нами расположился hostel,
Бабы со всего мира в нем шастают.
Нам бы на них изучать географию.
Водить бы указкой ласковой
И про паспорт заграничный подумывать.

СИНТЕЗИС

Больше всего на свете хочется сыра —
Охристого и швейцарского, как солнце,
В лунных женственных дырах
И с квадратным иррациональным оконцем.

А еще бы мы не отказались от велосипеда —
Легкого, как паутинка, круглого, с цепями,
С седлом в виде головы муравьяда
И умными покатыми рогами.

Положили бы мы за пазуху головку сыра,
Сели на велосипед, завертели педали.
Прощайте, лошади и всадники всего мира!
Никогда вы нас больше бы не увидали.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

ТЕЗИС

Мы видели раз бабу в кимоно —
Ничто не представляется нам гаже.
А впрочем — разве деньги лучше?
Иль фильмы Вима Вендерса? Увы —
Говно и то, и это. Все говно:
В.Ерофеев, Жан Жене, Виго,
Егорий Храбрый — Джирджис мусульманский,
Дракона победивший. Но дракон
Ничто ведь перед городом и сплином,
А главное, пред тупостью людей —
Ивана, Хаима, Тацуми, Педро, Линя,
Тарковского, Беллоу, Торквемадо,
Роберто Лонго, Сандро Боттичелли.
Все жрут, совокупаются и мыслят
И нет исхода из прорухи этой.
Однажды мы Тимура допекали:
Скажи нам, Новиков, кто в этом виноват?
Но не ответил ничего Тимур,
Заворотил за угол сексошопа,
И Густав ничего нам не ответил,
Не говоря о Юхвеве уже.

АНТИТЕЗИС

На вокзале в третьем зале
Мы сознание потеряли.
Под скамейками искали:

Не нашли — сознания нет.
Забрели в ночной буфет.

„Нам бы, мать, сейчас по стопке”.
„Вижу — хлопцы вы не робки,
Да от водки только пробки,
Даже тары нет нигде.
Есть сметана на воде.”

„Ну, давай нам два стакана.”
Вместе с жидкою сметаной
Труп проглочен таракана
И прочитан „Крокодил”
С осмеянием чуждых сил.

Мы выходим на природу.
В небе светят антиподы.
На перроне спят народы —
Грек, киргиз и армянин.
Лишь еврей не спит один.

СИНТЕЗИС

Жопа хочет срать,
Хуй всегда ебать,
Мать — дитя целовать,
Отец — мать.
Бренер и Баембаев знают —
Надо спать.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕЗИС

Ночью особенно мрачные мысли:
Думаешь о раке, о бедности, о смерти,
Очень хочется застрелиться.
Да и в самом деле уже пора.
Зачем все эти танцы, румяна, вздохи —
Разбейте градусник,
Вытряхните ртуть в башмак
И ходите в нем в течении полугода.
Вот вас и не станет.
Типичное самоубийство.
Секс — это всего лишь шкурный интерес,
Не больше.
Небо — это всего лишь повод для чтения,
Не больше.
Пляска — это всего лишь пенициллин,
Не больше.
Разбейте градусник в башмак
И ходите в нем полгода.
Так поет Великий дракон Ку-Клукс-Клана
В грязном борделе в Нью-Орлеане.

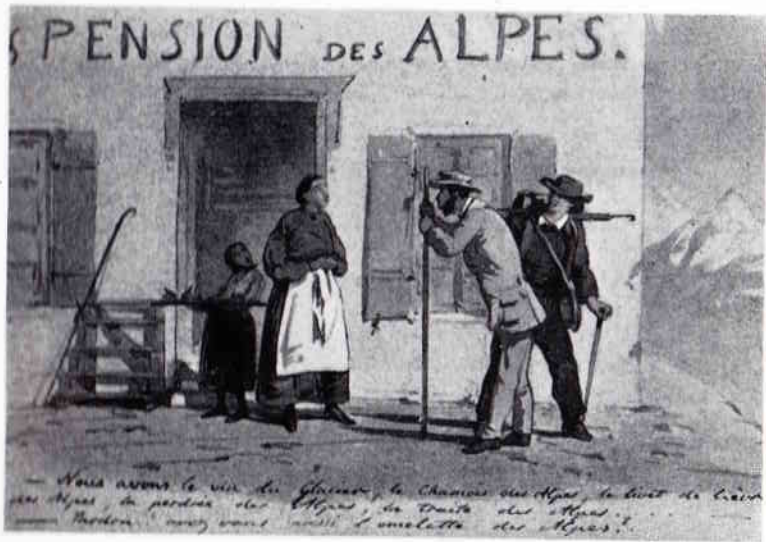
АТИТЕЗИС

Саша и Рома сидели и прели,
Кошки завывали, грачи охуели —
Стаей взметнулись под облака.
Рябью покрылась под горкой река.

Рома заплакал, а Саша сказал:
„Есть хоть один, что совсем не страдал?“
Завыл Роман, Александр продолжил:
„От слез таких даже камень бы ожил.
Слушай Всевышний, просрись ты на нас.
Жизнь такая — это полный атас.
Будем стреляться, топиться, травиться,
Но напоследок дай раз насладиться“.
Рома стал волосы рвать на спине,
Саша локтями забил по стене,
Кто-то крещендо играл на трубе.
Месяц на небе зажгли, по реке
Волны пошли, и собаки завывали.
Сашу и Рому зачем позабыли?

СИНТЕЗИС

Катай стихи,
Клепай слова красивые —
В конечном счете все равно.
Лишь только за рулем,
С девчоночкой смазливой,
Ты человек, а не дерьмо.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

ТЕЗИС

Средиземное море средиземное море
 Каждая собака хочет в тебя помочиться
 Рыжая красотка наполняет тобой вульву
 Ты все равно не можешь проникнуть в раковину
 Дяденька держит тебя в пупке
 Мы имеем тебя в любое время суток
 Зачем ты лижешь жопу этого сукина сына
 Славное ты когда подбираешься к яйцам
 Мы бы и сами залезли в эти сиськи
 Средиземное море

АНТИТЕЗИС

Сегодня мы час просидели на пляже,
 Смотрели, как мальчик бежит за девочкой.
 Какой на хуй Набоков!
 Он поймал ее за толстую задницу —
 И ну валять в песке!
 Она только попискивала.
 Взрослые потупляли глаза.
 В воздухе мелькали розовые — не желтые — пятки.
 Какой на хуй Толстой!
 И снова бег по песку, снова ветер и
 Солнце!
 Они орал что-то на каком-то там языке.
 Он лапал ее, сам о том не догадываясь.
 Пипка торчала сквозь спортивные брюки.

Песок залез ей в рот и глаза.
Вот тут бы мы ее и вспороли.
Так, чтобы хуй вылез из горла! Да, да.
Но мальчик — не мы, он был аккуратен,
Он тискал ее и вновь отпускал,
Он хапал ее предельно ласково.
Тринадцать — это не тридцать лет.
Он брал ее за кругленькую талию,
Маленькую розовую целочку,
Он обнимал ее со смехуечками,
Он понимал толк в этой возне.
Схватит, прижмет — и снова отпустит,
Придушит маленько — и даст глоток.
Он сам не заметил, как кончили оба.
А мы, два поэта, сидели на стульях,
Смотрели и попросту охуевали.

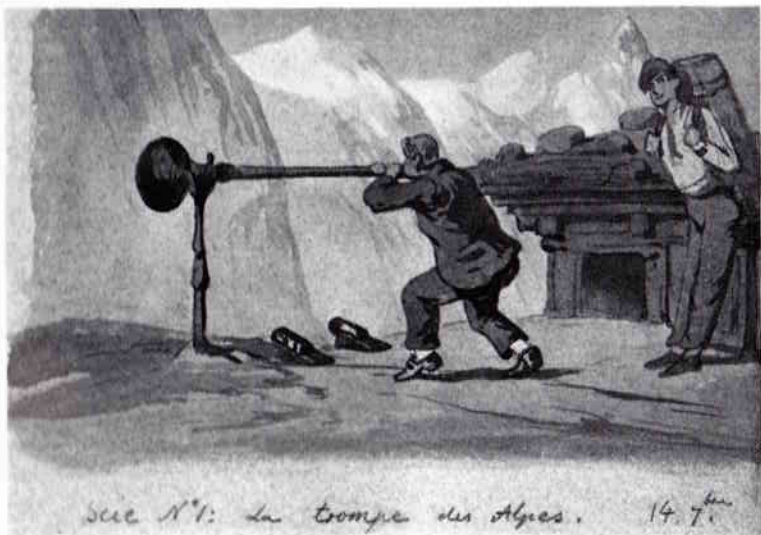
СИНТЕЗИС I

Нет покоя и на море —
Там девчата просто класс.
Почему же хуй не камень,
Чтоб не падал никогда?

СИНТЕЗИС II

Не возьмем на ум,
Не поймем никак:
Как на свете жить,
Не завидуя.
Мы видали раз

На диванчике
Двух подружечек лесбияночек.
И щипали нос,
Таращили глаз:
Вот бы нам меж них —
В серединочку.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

ТЕЗИС

Мы ненавидим мир и любим землю —
Она безмерно, страстно волосата
И трупами тяжелыми богата,
А мир прозрачен, как мочевого пузыря.
В нем есть Кэмп-Дэвид,
Рим и Сарагоса,
В нем есть Техас и Новая Гвинея,
В нем есть Аляска и Санкт-Петербург.
Но разве может все это сравниться
С клочком волос, над бровью нависавшей,
С тем локоном, который Лорелея
Нам бросила с расплавленной скалы?
Мы равнодушны к суете актеров,
Сбирающих рукоплесканий жатву,
Но разве локон, локон нашей Нелли,
Прекрасной Гутиной не пахнет хлороформом?
И разве Рафа Нудельман притертый
Не ест свой завтрак, сидя за столом?
И ты, да, ты, о Генделев с болонкой,
Не будешь предан сыренькой земле?
Так пусть же славится земля вовеки
Своими мощными слонами и стихами,
Своими круглыми, как шляпы, площадями,
Своими мощными дубовыми столами,
Своими юными раскосыми глазами,
И вверх растет над сопками миров!
Не становитесь ей на ноги, прощелыги,

И не кажите ей вы, карьеристы, фиги,
Не распускайтесь, будьте молодцами!
Мы ненавидим вас всех ненавистью лютой,
Всех вас, живущих вечности минутой,
Кокетства расточающие путы,
ТЬфу на вас, тьфу, отсохни ваш язык!

АНТИТЕЗИС

Гераклит сказал:
Полезай в пизду.
Не согласен сейчас,
Так она тью-тью.
А ему в ответ
Парменид: восход!
Зародился спор
(не решен с тех пор).

Вчера, стоя на улице,
Мы видели пизду,
Она прошла и скрылася
Как летний сон в бреду.
Тогда в момент мы поняли:
Кто умный, кто дурак.
Что Темный — просветленный он,
Все остальные — мрак.

СИНТЕЗИС

Понятье „еврей” шире понятия „человек”.
Это мы поняли здесь, в Израиле, солнечным днем,

И не забудем теперь это мы ни вовек,
Даже если ухватит нас за пупок гном.

Древний грек Гераклит в кучу зарылся дерьма —
Трансцендентальности это был образец.
А библейский Иов просто сидел дотемна
И говорил жене тихо: „Пиздец, пиздец”.

Вот вам пример широты
Всей иудейской души,
Вот вам пример прямоты,
Не сопримродной глуши.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

ТЕЗИС

Море нам дышит в лицо,
Как большая коричневая собака,
Которая хочет сказать словцо,
Да не может, однако.

Лижет наш след, ревнует шаг,
Не ведая никакого конфуза.
И приносит в зубах, как знак,
Голую розовую медузу.

Но медузу не удержишь в зубах,
Не унесешь в руке.
Так бывало у нас в детских снах,
Как на этом песке.

И только Израиль имеет твердь,
И только его объятье — притин.
А все прочее — голая смерть
И розоватый хинин.

АНТИТЕЗИС

С ружьем на заставе
Я страшно скучаю,
Чтоб море не сохло
Я всех проверяю:
„Постой, не спеши,

Будь ты друг или враг,
Капот подыми —
Покажи, что и как”.
Но лишь я увижу
Пизду за рулем,
Согласен стараться
Хоть ночью, хоть днем.
Не высохнет море —
В нем воды до хуя.
Теперь я радею
Во имя Тебя.
(М.Г.)

СИНТЕЗИС

В длинных горах Урала
Старый жил властелин.
Золота стало мало.
Сел он на цеппелин
И отправился в небо —
На восток и на юг,
Туда, где чертог Эреба
Пенится словно луг.
Над желтизной вставало
Слово, и звало вспять.
И властелин немало
Стал по дороге спать.
Снились ему пастушки,
Снились ему стога,
Снились ему зверушки,
А иногда — снега.

А когда просыпался
В невыразимой тоске,
Он всегда улыбался,
Как пескарь на песке.
Так проходили годы,
Десятилетия, века.
Слабенький привкус соды.
Может быть, молока.
Но через расстоянья,
Времени вопреки
Он говорил: „Свиданье
Ждет меня у реки”.
И, наконец, случилось,
Все-таки удалось —
Не молоко пролилось,
А проглотилась кость.
И в душевном пожаре
Он закричал: „Эгей!”
Через облако гари
Шел к нему Моисей.
Рухнули расстоянья,
Рухнули города,
Рухнули ожиданья,
Образовалась вода.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

ТЕЗИС

До свиданья, до свиданья,
Милый дом, родимый край,
Волосистые созданья,
Кофе, ром, бифштекс и чай.
До свидания, растенья
Рамат-Гана-на-крови,
До свидания, печенье
С детской печенью, язви.
До свидания, животик
Миши Гробмана, того.
До свиданья, бегемотик
Ариэль Шарон, бобо.
До свиданья, до свиданья,
Рути голенькой пизда,
До свиданья, до свиданья,
Голубые поезда.
До свидания, Гольдштейны,
До свидания, труссы.
Оля милая, в бассейны
Моря синего не ссы.
До свиданья, гадский потрок —
Саша Верник, рыхлый хуй.
До свиданья, добрый отрок,
Что заплыл за дальний буй.
Не пизди-ка, Зунделевич,
Все равно ты жрешь говно,
До свиданья, новый Стенич,

Похороненный давно.
До свиданья, доктор Штейнер —
Кукиш, спрятанный в лобке.
И ты, Генделев, и ты —
Хувый поэт.
Все вы, бляди, до свиданья!
Мы уходим в домино
В чистый сумрак обитанья,
Проглотившего зерно.
До свидания, народы,
До свидания, Христос,
До свидания, природы
Поезд, павший под откос.
Мы уходим к древней славе,
К бабам, золоту, вину!
К той застывшей мощной лаве,
Что ведет к двойному дну!

АНТИТЕЗИС

Вокруг картины плоские,
Все мастерски расписаны,
И освещенье яркое,
Таблички с объяснением.
Ногами люди шаркают —
Играют мэтра Кейджа.

Зайдет одна в оборочках,
Тряся грудями, жопой,
В чулке нога распорота,
А посреди пизда.

Вот это экспозиция,
Вот это кульминация
Да и развязка тож.

СИНТЕЗИС

Есть общество хранителей природы,
Есть общество любителей зверей.
Мы открываем общество раздора,
Что значит — заклинателей блядей.

Бляди, зажмурьте глаза!
Бляди, сидите смирно!
Мы говорим сейчас,
Мы говорим всемирно.
Крепнет, растет гроза
Не возмущения плебейского.
Близится ураган
Шепота иудейского!

